

* Полная пословица звучит так: «всего три дня без порки, и вот он уже на залез крышу и срывает черепицу» (□□□□□□□□).

— Всего лишь брат?

— Кто дал тебе кольцо?

Юньци лежал с завязанными глазами, и его задний проход ныл от толчков нефритового стержня. Он едва сдерживался, чтобы не закричать, но, помня о присутствии посторонних, изо всех сил старался терпеть. Тоба Фэн быстро сбросил с себя всю одежду, завязал её на поясице и, прижавшись губами к уху Юньци, прошептал:

— Тебе приятно?

Возбуждённый член Тоба Фэна уже затвердел и выпрямился, на кончике выступила прозрачная жидкость. Он прижал его к животу Юньци и начал медленно об него тереться.

Тоба Фэн с удовлетворением тихо простонал. Юньци и так уже весь пылал, а когда нефритовый стержень сзади вошёл в него до конца, задевая определённое место внутри, всё его тело обмякло и в промежности поднялось наслаждение, отчего его передняя часть тоже затвердела.

Возбуждённые члены двух мужчин соприкасались под шелковыми одеждами, и вскоре уже было не разобрать, чья жидкость смазала головки, сделав их скользкими. Тоба Фэн слегка двинул бёдрами, и выступающие вены на кончиках их мужских достоинств начали тереться друг о друга. Юньци наконец не выдержал и застонал, моля о пощаде.

— Ши-гэ... — едва слышно выдохнул Юньци.

Зрители, видя, как слаженно действует эта парочка, не удержались от поддразниваний.

— Чжу-сюнди, а ты хорош. Только взял его в руки, а он уже настолько потерял самообладание...

Щёки Юньци вспыхнули, он покраснел до самой шеи. Даже несмотря на то, что парчовый халат прикрывал их обнажённые тела, он чувствовал себя так, словно под взглядами бесчисленного множества людей был совершенно голым.

Проституты тоже начали стонать наперебой.

Нефритовый стержень, проникающий в задний проход, постепенно нагрелся, но его неизменная твердость стала для Юньци настоящей пыткой. Тоба Фэн, словно прочитав его мысли, поднял его, прислонившись к стене, свободно накинул халат на талию, и бросил в

сторону военного советника Вана вызывающую ухмылку.

Юньци не выдержал и укусил Тоба Фэна за плечо, сердито прошипев:

— Быстрее... вытащи.

Тоба Фэн повернул голову, крепко прижал Юньци к груди и прошептал ему на ухо:

— Развратник, ши-гэ любит тебя.

Юньци вздрагивал, тяжело дыша. Тоба Фэн пальцами извлёк нефритовый стержень, и Юньци простонал:

— Ах...

Тоба Фэн полностью достал фаллос из заднего прохода Юньци, а затем, надавливая на края растянутого ануса, слегка расширил размягчённый вход вращательными движениями и снова вошёл. Юньци, уткнувшись лицом в плечо Тоба Фэна, громко вскрикнул.

Зрители этой живой эротической сцены не могли удержаться от насмешек. Наблюдая за тем, как рука Тоба Фэна лежит на поясице Юньци, они поняли, что его техника довольно тонка и искусна. Лицо Юньци тут же зарделось.

— Старость не радость! — у господина Ли пересохло в горле от возбуждения, и он произнёс: — Развлекайтесь, а мы пойдём в комнату.

Проституты хотели посмотреть ещё, но клиенты один за другим тоже заспешили приступить к делу, и им пришлось нехотя последовать за ними. Выходя из зала, они бросали на Юньци взгляды и бормотали, вероятно, слова вроде «потаскун» или «развратник».

Юньци почувствовал облегчение. Наконец-то больше не нужно заниматься этим постыдным делом. Он уже собрался потянуться рукой к глазам, чтобы снять черную повязку, но его запястья были прижаты Тоба Фэном.

— Что такое? — тихо произнес Тоба Фэн, поцеловав его в губы.

Юньци прошипел:

— Немедленно возвращаемся! Я, блять... — не успел он закончить фразу, как получил очень легкую пощечину от Тоба Фэна. Губы мужчины почти вплотную прижались к носу Юньци, и он медленно проговорил:

— Ши-гэ еще не рассчитался с тобой за прошлый раз, когда ты хотел его убить...

Юньци сказал:

— Я думал, ты увернешься...

Пока он говорил, Тоба Фэн тем временем уже скатал халат и, скрутив Юньци руки за спиной, обмотал его запястья.

Мужчина уложил Юньци на циновку и прошептал:

— Если ты хочешь убить ши-гэ, как он может уворачиваться?

Затем он склонился и поцеловал его.

Их пылающие губы и языки сплелись воедино. Услышав последние слова, Юньци в тот же миг утонул в этом поцелуе, полученном вновь спустя столько лет. Он позабыл почти обо всём на свете и обезумев отвечал языком на ласки Тоба Фэна. Аромат османтусового вина разлился между губами, опьяняя его сердце и душу. Руки Юньци были зажаты за спиной, и он изо всех сил вырывался.

Тоба Фэн подумал, что тот пытается сопротивляться, и прижал его руки ещё сильнее.

Запястья Юньци наконец выскользнули из туго скрученного халата, и обе ладони вырвались на свободу. Тоба Фэн почти незаметно на мгновение замер, а Юньци обвил его шею руками и погрузился в поцелуй.

Когда они отстранились, Тоба Фэн с улыбкой посмотрел на Юньци, пальцами погладил его по лицу, а затем другой рукой потянулся к промежности мужчины и вытащил нефритовый стержень. Приподняв его ногу, он направил свой член к уже растянутому заднему проходу Юньци и медленно вошёл.

Едва Юньци ощутил пустоту внутри, как мгновенно был вновь заполнен Тоба Фэном. Тем не менее, вошедшее на этот раз было толще, длиннее и горячее, чем тот холодный нефритовый стержень, и от этой невыносимой наполненности Юньци не удержался от крика.

— Нет... Ши-гэ! Эта твоя штука слишком большая, помедленнее! — воскликнул он.

Тоба Фэн ответил:

— А.

«...»

От этих толчков Юньци едва не потерял сознание. Тоба Фэн, хоть и отозвался, нисколько не замедлил движений. Юньци мёртвой хваткой вцепился в плечи мужчины, его лицо с завязанными глазами вздернулось кверху, а на повязке проступило небольшое влажное пятно. Очевидно, подавить желание оказалось невозможно, отчего на глазах выступили слёзы.

Он, тяжело дыша, ясно ощущал, как вены на плоти Тоба Фэна мягко ласкают его внутренние стенки, передавая волну дрожи по всему его телу вплоть до кожи головы.

Тоба Фэн обнял Юньци за талию и сел, усадив его верхом на свои бёдра. Немного ослабив крепкие объятия, мужчина слегка склонил голову и, обхватив длинными пальцами возбуждённый член Юньци, произнёс:

— Встал. Оказывается, тебе нравится, когда тебя трахают.

«...»

Юньци в исступлении пролепетал:

— Не трогай... Что ты несешь... Мы столько лет не виделись... Ах!

Тоба Фэн вогнал свой толстый член, и Юньци тут же потерял способность говорить связно. Пальцы Тоба Фэна принялись поглаживать и сжимать головку пениса Юньци, выжимая из неё вязкую жидкость, которая залила его скользкие вверх-вниз пальцы.

Удовольствие от наполненности заднего прохода заставила кончик члена невыносимо распухнуть, а от умелых ласк пальцев Тоба Фэна Юньци крепко вцепился в его плечи, непрерывно содрогаясь.

— Я сейчас... кончу, — испытывая невероятный стыд, пробормотал Юньци.

Тоба Фэн, сжав его член и понимая, что стимулировать его дальше уже нельзя, приподнял ногу Юньци. Погрузившись в него до предела, он перевернулся и всей тяжестью своего тела прижал мужчину под собой, начав безостановочно двигаться, словно забивая сваи.

— Ах! Ах! — смущённо стонал Юньци. Тоба Фэн входил в него с неистовой скоростью, мощно работая бёдрами. Его обнажённое тело покрылось обильным потом, увлажнившим бронзовую кожу, словно слой масла, а рельефные мышцы живота вплотную прижимались к основанию члена Юньци, потираясь об него в такт движениям, отчего головка пениса покраснела.

Под этим двойным натиском Юньци больше не мог сдерживаться. Полностью потеряв контроль

над собой, он тяжело задышал, вцепился пальцами в мускулистые руки Тоба Фэна и громко вскрикнул.

Тоба Фэн резко прекратил движения и уткнулся лицом в ключицу Юньци, учащенно дыша. Все еще не удовлетворившись, он принялся покусывать его кожу.

Из-за стены в соседнем зале всё ещё доносились нескончаемые стоны проституттов, и Юньци внезапно произнёс:

— Почему так быстро?

«...»

Тоба Фэн достал влажный член, и вслед за ним выплеснулась белая жидкость. Он не посмел опустить взгляд, второпях схватил халат и вытер ее.

Лицо Тоба Фэна пылало, но он изо всех сил старался, чтобы голос звучал ровно:

— Я этому не тренировался. Может, когда постарею... буду держаться дольше.

Юньци тяжело вздохнул и, совершенно измождённый, приподнялся. Тоба Фэн шевельнул ухом, сказав:

— Ты тоже слышал шум из соседней комнаты?

Юньци вдруг опомнился. Только что он был чересчур увлечен тем, что его трахали, а перед глазами была повязка, поэтому он забыл о том, где они находятся. Мужчина поспешно начал шарить по полу, пытаясь опознать свою одежду, и раздражённо вымолвил:

— Я... я... ты...

Тоба Фэн затих, затем мягко улыбнулся:

— Ши-гэ тебя любит.

Он взял Юньци за руку, и тот в полной темноте опустился на колени. Тоба Фэн погладил Юньци по лицу, поцеловал его, а затем принялся старательно помогать ему одеваться.

Одев Юньци, Тоба Фэн накинул на себя свою форму дворцового стражника. Он смотрел на чёрную повязку, скрывающую брови и глаза Юньци, на его изящное лицо, светлую переносицу и влажные алые губы.

Тоба Фэн рассеянно произнёс:

— Хорошо выглядишь, пошли.

Затем, взяв Юньци за руку, он вышел из цветочного зала и неспешно спустился вниз.

Словно в детстве, когда шисюн-ди жили в одной комнате и спали на одной кровати.

Каждое утро солнечный свет, в котором кружился вихрь крохотных пылинок, проникал сквозь оконную решётку и освещал их общее ватное одеяло, под которым они обнимались.

Маленький Тоба Фэн всегда просыпался первым, будил лежавшего на его плече маленького Юньци и заставлял того, сонного, подниматься с постели.

Сам же он присаживался у кровати, помогал маленькому Юньци одеться и обуться, затем гладил его по щеке и говорил:

— Хорошо сегодня выглядишь, хватит спать, пошли.

И так, держась за руки, они шли к Цзян Хуаню заниматься боевыми искусствами, а к Су Ваньжун — заучивать тексты.

За те годы, что они провели в разлуке, казалось, ничего не изменилось.

Время бурно текло, несясь вперёд, словно воды реки Циньхуай.

А на берегу, на десять ли вокруг, царило прежнее процветание. Распускались цветы в туманной дымке*, и разукрашенные джонки плыли точно так же, как и раньше.

* Досл. «цветы в туманной дымке» (□□). Могут подразумеваться как фейерверки, так и проститутки.

Тоба Фэн и Юньци стояли в тёмном переулке. Близилась полночь, улицы Пекина были пустынные. Изредка некоторые лапшичные провожали последних посетителей, пришедших на ночной перекус, и закрывались на ночь.

— Пойдём домой? — тихо спросил Тоба Фэн.

Юньци снял чёрную повязку с глаз, в его взгляде таилась улыбка. Он посмотрел на Тоба Фэна и сказал:

— Отведи меня перехватить того гонца, я хочу посмотреть письмо.

— Нет, тебе нельзя туда идти.

— Нет, я пойду.

Тоба Фэн развернулся и пошёл прочь, но Юньци стремительно бросился за ним, обхватив его за талию.

— Отпу... отпусти...

Юньци рассмеялся:

— Возьми меня с собой...

С этими словами он одной рукой принялся щипать Тоба Фэна за ухо.

Тоба Фэн немного постоял, его лицо слегка покраснело, и он, повернувшись спиной к Юньци, присел.

— Ноги подкашиваются...

— А.

Увидев Тоба Фэна, Юньци внезапно почувствовал невыразимую радость.

Мимо них проносились дома, и Тоба Фэн тихо спросил:

— Всё ещё больно?

Юньци невнятно хмыкнул и ответил:

— Немного... Где его перехватим?

Тоба Фэн произнёс: «Т-с-с», давая знак Юньци спуститься, и они укрылись у главной дороги за пределами Пекина.

Тоба Фэн наклонился и принялся искать что-то в траве. Он был крайне похож на пса, разыскивающего кость. Юньци смеялся до слёз, подтрунивая над ним:

— Что ты делаешь? Изображаешь собаку?

Не успел он договорить, как из хижины позади них раздался полуночный лай пса, который потревожил обитателей. В доме жила семья из трёх человек, лай разбудил ребёнка, и вдалеке послышался плач младенца.

Тоба Фэн поспешно нервным жестом показал, чтобы тот замолчал, и Юньци наконец смущённо умолк. Он увидел, что Тоба Фэн вытащил из межи лук, запрыгнул на карниз крыши и затем помахал Юньци:

— Поднимайся сюда.

Юньци бесшумно поднялся к Тоба Фэну. Местная собака неподалёку не умолкала, яростно лая. Юньци взмахнул рукавом, и клинок Чаньи, отражая лунный свет, описало изящную дугу. Собака замолчала.

Тоба Фэн сказал:

— Князь приказал убить гонца, если в письме раскроется, что он притворяется сумасшедшим...

Юньци слегка задумался, затем оценил действия Чжу Ди:

— А если в письме будет говориться о том, что он действительно сошёл с ума, отпустить гонца Чжан Бина обратно?

— Ты же не видел это письмо своими глазами, откуда ты знаешь, что там действительно так написано? — возразил Юньци. — А что, если тот шпион, который украдкой прочитал письмо, предал вас обоих? Тогда будут проблемы.

Тоба Фэн смотрел на большую дорогу и молчал.

«...»

Орлиный взгляд Тоба Фэна устремился к большой дороге, ведущей прямо к хижине. Юньци послушно присел перед Тоба Фэном, позволяя тому накрыть своей рукой его руку. В полной тишине они оба, полуприсев на залитой лунным светом крыше, вместе натянули длинный лук в половину человеческого роста.

— Убить его? — тихо спросил Тоба Фэн.

Юньци нахмурился, не ответив. Чжу Юньвэня определено было не так-то просто обмануть, а

Хуан Цзычэн и вовсе был полон решимости доставить Чжу Ди неприятностей. Даже если письмо благополучно достигнет Нанкина, весьма вероятно, что Хуан Цзычэн его подменит, и тогда ситуация станет ещё более проигрышной. Если же письмо долгое время не будет доставлено, императорский двор не посмеет действовать опрометчиво. В крайнем случае, он сменит направление атаки и сначала расправится с другими удельными князьями.

Поэтому, независимо от содержания письма, его необходимо перехватить этой ночью, заодно вызвав подозрения у Чжан Бина и других.

Более того, Юньци был почти уверен, что в письме не сказано ничего хорошего.

Янь-ван — его родственник. Если бы Чжан Бин счел, что тот действительно сошел с ума, он должен был сначала сообщить Юньци, заодно оказав ему услугу, чтобы продемонстрировать свое расположение. Раз он тайно отправил гонца с письмом за город, то, несомненно, за этим крылась какая-то причина.

Послышался стук копыт, из города вынесся резвый конь.

Это был гонец, посланный Чжан Бином в Нанкин с донесением. Он мчался во весь опор, проносясь мимо хижины.

Юньци больше не колебался. Он слегка скорректировал угол и с идеальной точностью прицелился в направлении стремительно скачущей лошади.

Юньци и Тоба Фэн, понимая друг друга без слов, одновременно отпустили тетиву. С жужжанием стрела полетела, словно падающая звезда!

Лошадь чиновника вздыбилась и заржала. Гонец, не успев среагировать, был пронзён острой стрелой в плечо и сброшен с боевого коня!

Он закричал от боли:

— Кто здесь?!

Претерпевая муки, гонец помчался прочь, оставляя за собой кровавый след.

Серая тень промелькнула, словно снежный орёл. Тоба Фэн перевернулся в воздухе и ловко приземлился, перехватив гонца. Вытащив из-за пояса меч Сючунь, он метнул его.

Лезвие клинка отражало ослепительный серебряный свет. Вырвавшись из пасти тигра* Тоба Фэна, оно с высокой скоростью закрутилось в воздухе и, подобно серебряному диску, устремилось к убегающему гонцу, пронзив его голень и пригвоздив к земле.

* Пасть тигра (□□) — пространство между большим и указательным пальцами.

Гонец закричал от боли. Юньци, прячась за деревом, увидел, как Тоба Фэн наклонился, обыскал гонца и достал письмо. Он вложил меч в ножны, подошёл к Юньци, протянул письмо и тихо произнёс:

— Смотри сам, я не буду.

Юньци развернул письмо при лунном свете, взглянул на него, провёл пальцами по бумаге и с облегчением вздохнул.

Бумага была специально утолщённой. Цзиньивэй были до боли знакомы с этой уловкой. Юньци усмехнулся:

— Я угадал. Пошли домой.

Тоба Фэн с понимающим видом кивнул, хотя, казалось, не совсем понял. Затем он пощадил гонца, и они с Юньци ушли.

— Передай это письмо зятю, но ни в коем случае не говори, что это сделал я, — перелезая через стену, тихо сказал Тоба Фэну Юньци.

Тоба Фэн безоговорочно доверял Юньци и хмыкнул в ответ. Подставив плечо, он помог тому перебраться во внутренний двор.

Юньци со смехом взобрался на верх стены, но его улыбка мгновенно застыла на лице.

Саньбао стоял на коленях во дворе, опустив голову и не издавая ни звука. Сюй Вэнь, уперев руки в свою тоненькую талию, словно хэдунская львица издала рёв, от которого затряслась вся черепица в усадьбе.

— Сюй Юньци! Всего три дня без порки, и вот уже на залез крышу и срываешь черепицу!

Услышав за стеной голос Сюй Вэнь, Тоба Фэн мгновенно перепугался до полусмерти. Он дрожал, не зная, что делать. После долгих внутренних метаний, разразившихся в его голове, словно битва между человечеством и небом, устрашающая сила Сюй Вэнь, в конце концов, полностью победила его любовь.

Тоба Фэн развернулся и бросился наутек. Юньци, не ожидав такого исхода, поскользнулся и снова упал вниз.

— Эй, ты... — Юньци, то катясь, то ползком, встал на ноги, но Тоба Фэн уже бежал вдоль внешней стены княжеской резиденции и скрылся из виду.

Юньци немного успокоился и уже собирался последовать за беглецом, как вдруг его ухо сжали пальцы, твёрдые как щипцы. Он тут же ахнул от боли, и Сюй Вэнь потащила его обратно во двор.

Сюй Вэнь злость брала, но в то же время ей было смешно. Она гневно гаркнула:

— Ночь на дворе, куда ты смылся?!

Юньци поспешно взмолился о пощаде:

— Сначала позволь Саньбао встать. Он правда не знал, куда я пошёл... Старшая сестра, зачем ты сюда пришла...

Сюй Вэнь пнула Юньци прямо в комнату и отчитала:

— Весь Пекин наблюдает за нашей семьёй. Если ещё раз убежишь — смотри, шкуру с тебя спущу.

Юньци горько сетовал на свою участь, а Сюй Вэнь закатила глаза и сказала:

— А где те две мои книги, «Троецарствие» и «Книга обрядов»? Это ты их взял?

Юньци с недоумением ответил:

— Нет.

Сюй Вэнь ещё несколько раз сурово отругала его. Юньци в комнате поклялся, что больше не будет убегать. Тогда Сюй Вэнь схватила Ма Саньбао за воротник, выбросила его через окно внутрь, хлопнула в ладоши и, наконец, развернувшись, ушла.

Чжу Ди снял верхнюю одежду. Его ярко-красное княжеское одеяние, украшенное узором с Таоте, было накинуто на талию, и он лежал на полу, отжимаясь. На мускулистой спине выступила мелкая испарина.

Увидев, как Сюй Вэнь вернулась в комнату и закрыла дверь, Чжу Ди поднялся с пола и спросил:

— Куда ходил младший шурина?

Сюй Вэнь лениво бросила на Чжу Ди взгляд и сказала:

— Не твоё дело.

Чжу Ди улыбнулся:

— Супруга так громко кричала, наверное, горло пересохло. Вон там чай...

Сюй Вэнь села на край кушетки, взяла селадоновую чашку, отпила несколько глотков и сказала:

— Парню чуть за двадцать. В Чжунли он уже давно бы женился. Надо как-нибудь найти ему девушку, чтобы не лазил по ночам через стену воровать мясо*.

* Воровать мясо (肉) — обр. найти на стороне любовника.

Чжу Ди сел рядом с Сюй Вэнь и, улыбнувшись, сказал:

— Юньци уже взрослый. У него должны быть свои собственные взгляды на женитьбу и всё такое. Не вмешивайся, ладно?

Сюй Вэнь укоризненно ответила:

— Как это мне не вмешиваться? Мы рождены одной матерью. Если не я, то кто же об этом позаботится?

Чжу Ди рассеянно произнёс:

— Я возьму это на себя. — Затем, прищурившись, он спросил: — Он спрашивал о Фэн-эре?

Сюй Вэнь ответила:

— Нет. Эй, скажи, почему вы оба всё время говорите об этом Чжу Фэне? Что он вообще за человек такой...

Чжу Ди поспешно рассмеялся:

— Нет-нет, любимая супруга...

С этими словами он протянул руку, чтобы обнять Сюй Вэнь за плечи.

Она вскрикнула:

— Я ещё не договорила...

Она сразу же принялась хаотично дрыгать ногами, пока Чжу Ди прижимал её к кровати.

Юньци лежал на кровати с улыбкой на губах и ворочался с боку на бок. Комната была разделена на две части: внутреннюю и внешнюю. Юньци спал во внутренней комнате, где были грелка для ног, парчовое одеяло и всё необходимое. Саньбао же спал в наружной комнате.

— Саньбао, тебе не холодно? — спросил Юньци.

Саньбао сел и беспокойно ответил:

— Младшему шурина холодно? Я сейчас растоплю печь погорячее.

— Нет-нет, — поспешно ответил Юньци. — Спи. Я просто увидел, что у тебя одеяло тонкое, и спросил просто так.

Саньбао лёг и с улыбкой сказал:

— Служить младшему шурина по сравнению с другими обязанностями в княжеской резиденции — просто небо и земля. К тому же, ваш покорный...

— Говори просто «я», — прервал его Юньци. — Спасибо тебе за сегодня.

Саньбао фыркнул от смеха и ответил:

— Я и правда не знал, куда ушёл младший шурина. Даже избея меня до смерти, не сказал бы.

Юньци улыбнулся и повернулся лицом к верху полога. Закрыв глаза, он потянулся рукой к нефритовой подвеске-Цилинь у сердца.

В этот момент снаружи двора послышался очень тихий звук «тук». Саньбао мгновенно это уловил и потянулся под подушку. Раздался звук вынимаемого из ножен клинка.

Юньци с закрытыми глазами сказал:

— Не волнуйся, это мой... мм, знакомый. Саньбао, ты ещё и ножом управляться умеешь?

Саньбао прошептал:

— Я из народа хуэй*.

* Хуэй (回) — одна из 56 официально признанных национальных меньшинств Китая. Мусульманская этническая группа, разбросанная по всему Китаю, но в основном сконцентрированная в Нинся-Хуэйском автономном районе, а также в провинциях Ганьсу, Цинхай, Синьцзян и Хэнань.

Юньци спросил:

— Посмотри, он высокий?

Саньбао спрятал короткий изогнутый нож в рукаве, выглянул в окно и сказал:

— Это Чжу Фэн из усадьбы, младший шурина знает его?

Юньци с лёгким удивлением спросил:

— Ты тоже его знаешь?

Саньбао ответил:

— Он прибыл в усадьбу в этом году, работает на князя.

Юньци хмыкнул, сказав:

— Саньбао, ты... не мог бы выйти ненадолго? Пусть он войдёт.

Саньбао отозвался, убрал изогнутый нож, бесшумно открыл дверь и вышел во двор.

Тоба Фэн стоял в наполовину белоснежной одежде, но левая его сторона была испачкана багрово-чёрной кровью гонца. Он наклонился у колодца, зачерпывая воду. Увидев, как Саньбао выходит из дома, мужчина равнодушно взглянул на него и не произнёс ни слова.

Саньбао настороженно посмотрел на Тоба Фэна, отошёл в сторону и нашёл себе место, чтобы присесть.

Тоба Фэн поднял ведро с водой, снял боевое облачение и нижнее бельё. Он замочил их в ведре, а затем выплеснул воду в сад.

Юньци услышал за дверью звук плескающейся воды и слегка нахмурился.

Тоба Фэн снова набрал ведро воды и вылил её на грудь. Повторив несколько раз, он смыл с себя кровь, наклонил голову к руке, понюхал и только тогда, совершенно голый, вошёл в комнату, толкнув дверь.

Тоба Фэн неуклюже откинул одеяло и сунул руку внутрь.

«?»

Под одеялом оказалось ещё одно одеяло.

«...»

— Уже передал письмо зятю? — Юньци улыбался с закрытыми глазами.

Тоба Фэн вздрогнул от неожиданности. Юньци открыл глаза, спросив:

— Чего ты так испугался?

Тоба Фэн ответил:

— До сих пор чувствуешь запах? Только что, когда ты говорил... ты был очень похож на Ванфэй... — Затем он снова приподнял одеяло на Юньци и спросил: — Зачем ты укрываешься столькими слоями?

Юньци беспомощно ответил:

— Так велела старшая сестра.

«...»

Тоба Фэн, совершенно голый, забрался под одеяло. Вздохнув с облегчением, он обнял Юньци и вдруг сказал:

— Ты до сих пор помнишь ту технику игры на цине, которую мы учили в детстве.

Юньци улыбнулся:

— Конечно.

Су Ваньжун когда-то учила Юньци играть на гучине. В то время он был ещё мал, и его руки не могли дотянуться до его краев. Тогда маленький Тоба Фэн добровольно вызвался зажимать струны рядом. Один зажимал их, другой играл, оба получали удовольствие, и выходило довольно достойно. Су Ваньжун считала, что эти два ученика необычайно забавны. Она учила их несколько месяцев, пока не прошёл пыл, и тогда забросила.

Юньци и Тоба Фэн всё ещё смутно помнили аппликатуру. Сегодня вечером в роще Ланьлюй, играя в унисон, они сорвали бурные аплодисменты.

Тоба Фэн снова с интересом сказал:

— Ши-гэ теперь умеет играть на флейте, как-нибудь сыграю тебе.

Юньци устало зевнул, на него накатывала сонливость. Тоба Фэн добавил:

— В Пекине много интересных мест, завтра ши-гэ выведет тебя развлечься.

— М-м... — сонно ответил Юньци.

Однако Тоба Фэн, казалось, был невероятно возбуждён и без умолку тараторил, словно муха, жужжащая у уха.

Юньци отвечал урывками, а Тоба Фэн, проговорив долгое время, наконец нервно взял его за руку, поглаживая кольцо из панциря черепахи на его мизинце. Его голос слегка задрожал, и он тихо произнёс:

— Выбрось эту штуку, ши-гэ потом купит тебе хорошую.

Юньци хмыкнул в ответ, и Тоба Фэн начал снимать кольцо, причиняя лёгкую боль его мизинцу.

Когда кольцо из панциря черепахи было снято, Тоба Фэн вздохнул с облегчением.

Зажав его между пальцами, Тоба Фэн метнул его наружу. Кольцо мгновенно пробило оконную бумагу и со свистом улетело в ночь, исчезнув.

— Сделаем это ещё раз? — тихо спросил Тоба Фэн. — Хочешь?

Юньци до смерти устал. Сквозь зубы он пробормотал:

— Не шуми...

Тоба Фэн потер свои уши, затем спокойно обнял Юньци и уснул довольный.

Кольцо из панциря черепахи ударилось о стену двора и упало на землю, издав слабый звук.

Саньбао, свернувшись клубочком у стены, сонными глазами увидел кольцо. Он подполз, поднял его, внимательно рассмотрел и затем спрятал за пазуху.

С тех пор как Юньци вернулся домой навестить родных, в княжеской резиденции Пекина покоя точно было не видать.

Поздним утром, когда высоко в небе светило солнце, несколько человек кричали.

Сюй Вэнь взбешенно голосила в своей комнате:

— Где мои книги?!

Юньци взбешенно голосил во дворе:

— Где мое кольцо?!

Чжан Бин взбешенно голосил у ворот княжеской резиденции:

— Прошлой ночью убили гонца! Позвольте мне увидеть Ванфэй!

Юньци с мрачным видом гневно сказал:

— Тебе не занимать смелости! Куда ты его выбросил?! Говори!

Тоба Фэн с невозмутимым выражением лица ответил:

— Не понимаю, о чем ты.

Юньци холодно произнёс:

— Почему ты выбросил кольцо? Скажи честно. Я никогда не повторяю свои слова дважды.

Тоба Фэна слегка изменился в лице и спросил:

— Что?

Юньци сердито буркнул:

— Я никогда не повторяю свои слова дважды!

Тоба Фэн кивнул, ответив:

— А.

Юньци приснул со смеху. Весь его гнев мгновенно рассеялся, и он лишь с досадой пробормотал:

— Ладно.

Тем временем Сюй-Ванфэй опрокидывала сундуки и переворачивала шкафы, в отчаянии устраивая переполох, а Чжу Ди в саду то вытягивался, то сжимался, ползая, словно гусеница. Юньци вёл Тоба Фэна и Саньбао через сад, и, глядя на огромную княжескую резиденцию, погружённую в хаос, не знал, смеяться ему или плакать.

— Младший шурина! — Едва войдя в сад, управляющий, словно получив помилование, поспешно подошёл к ним с убитым выражением лица: — Книги, которые наполовину прочитала Ванфэй, исчезли, и сейчас она в ярости... А у ворот резиденции ещё ждёт господин комиссар по гражданским и финансовым делам Чжан-лао... Младший шурина, что нам делать?

Юньци ногой подтолкнул Чжу Ди, волочащегося по земле, заставив его развернуться в другую сторону, и Чжу Ди пополз к пруду. Юньци сказал Тоба Фэну:

— Иди помоги моей старшей сестре разыскать книги, а я пойду встречу Чжан-лао.

Едва Юньци вошёл в зал и поклонился Чжан Бину, как выражение лица стало таким кислым, будто он проглотил муху. В этот момент снаружи резиденции на длинной улице кто-то запел:

— С востока на запад, с юга на север иду. Выхожу из дома — вижу: человек кусает собаку*...

* Старая детская считалочка. Продолжение: «Я попытался поднять собаку и бросить в кирпич, но кирпич укусил меня за руку. Я ем молоко, пью хлеб» и т.д.

«...»

Прибыл Яо Гуансяо.

Юньци пригласил Яо Гуансяо также присесть и распорядился подать чай. Сын Чжан Бина, Чжан Цинь, раньше был сослуживцем Юньци, и поскольку он превосходил его по старшинству, тот не смел быть непочтительным. Он лишь сказал:

— Чжан-лао, успокойтесь. Если вам есть что сказать, давайте поговорим.

Чжан Бин произнес:

— Прошлой ночью гонец с моим личным письмом покинул город, но менее чем в десяти ли от Пекина его перехватили, и он был тяжело ранен. Что у вас вообще происходит?

— Во всём Пекине только у комиссара и резиденции Янь-вана есть печати для ночных передвижений! У убийцы был длинный меч! А в плечо ему воткнули...

Яо Гуансяо с серьёзным видом спросил:

— Воткнули что?

Юньци глубоко вздохнул и спросил:

— Воткнули что?

Чжан Бин, вне себя от ярости, вытащил из рукава какой-то предмет и с силой швырнул его на пол!

Это была длинная стрела, изготовленная в княжеской резиденции.

Яо Гуансяо и Сюй Юньци одновременно рассмеялись. Лицо Чжан Бина то бледнело, то зеленело и, наконец, стало багровым. Он чуть не вырвал себе бороду от ярости и закричал:

— Что тут смешного?!

— Ха-ха-ха-ха... — Яо Гуансяо, посмеявшись с запрокинутой головой, наконец пришёл в себя и сказал: — Хотели убить, но оставили улику...

Юньци продолжил:

— Впервые встречаю такого глупого убийцу.

Чжан Бин мгновенно потерял дар речи от этих слов.

Юньци помолчал, затем сказал:

— Что было написано в письме Чжан-лао? Мы с вами оба — императорские послы, почему вы не обсудили это со мной перед тем, как отправить его в столицу?

Яо Гуансяо усмехнулся, засучил длинные рукава и повернулся. Заложив руки за спину, он принялся рассматривать каллиграфию и картины в зале.

Чжан Бин закрыл глаза и не ответил.

Юньци спросил:

— Что говорил вам Великий воспитатель Хуан?

Чжан Бин внезапно открыл глаза и холодно произнёс:

— Командир Сюй, по вашему мнению, кто совершил это преступление?

Юньци усмехнулся:

— Естественно, кто-то хочет переложить свою вину, какая тут ещё может скрываться причина? Чжан-лао лучше вернуться обратно в управление и разобраться как следует.

Чжан Бин молчал. Юньци продолжил:

— Всё зависит от содержания вашего письма, Чжан-лао. Если Чжан-лао человек умный, то вы сразу поймёте суть дела. Сколько глаз во всём императорском дворе устремлено на земли Пекина? Любая информация, которую вы раскроете в письме, может вызвать беспокойство среди различных фракций при дворе, а также среди удельных князей...

Чжан Бин вздохнул, сказав:

— Сюй Юньци, не то чтобы моя семья Чжан... не неблагодарна.

Юньци дрожащим голосом спросил:

— Цинь-эр прислал письмо домой?

Чжан Бин ответил:

— Благодарю командира Сюя за то, что оставили моей семье Чжан потомство.

С этими словами он подобрал полы одежд и опустился на колени перед Юньци.

Тот поспешил подойти и поддержать его, но неожиданно Чжан Бин сказал:

— Однако нельзя совмещать верность и чувство долга...

Услышав эти слова, Юньци остановился и посмотрел на Чжан Бина с лёгким презрением.

В этот момент Чжу Ди как раз дополз до края пруда и с плеском упал в воду.

— Князь пытается покончить с собой! — раздался пронзительный крик служанки из сада.

Юньци насмешливо сказал:

— Чжан-лао, тогда Юньци следовало отрубить голову вашему сыну и получить награду, а затем сказать, что верность и чувство долга несовместимы.

С этими словами он холодно крикнул:

— Кто-нибудь! Проводите гостя!

Затем Юньци поспешно выбежал в сад, прыгнул в воду и, промокший, вытащил оттуда Чжу Ди.

Тот с бульканьем выплюнул воду, сунул какую-то вещь в руки Юньци и начал громко квакать, подражая лягушке.

— Ква-ква — ква-ква... — Чжу Ди куда-то упрыгал.

Юньци разгладил промокшую бумагу, которую вручил ему Чжу Ди, и осторожно развернул её под солнечным светом.

Она была исписана с обеих сторон. Чернила на лицевой стороне расплылись, но можно было разобрать очертания иероглифов:

«Янь-ван страдает безумием, ходит голым средь бела дня по рынкам, ест фекалии и пьёт мочу.

Всевозможные симптомы сумасшествия не поддаются подробному описанию.

— Чжан Бин, комиссар по гражданским и финансовым делам Пекина.»

На обратной стороне письма, промокнувшей, проступили светло-голубые чернила:

«Янь-ван притворяется сумасшедшим и действует крайне скрытно. С десятого дня девятого месяца княжеская резиденция закупает мечи и кинжалы. По всему городу идёт обработка железа. Порох и селитра в больших количествах тайно поступают в город, что грозит великой бедой.

Командир Цзиньивэй Сюй Юньци вступил с ним в сговор и покрывает его, утаивая злые помыслы.»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326080>